

Префект спросил:

— Парные изречения ты составляешь неплохо, а стихи писать умеешь?

Этого он уж точно не умел... Цуй Се прекрасно понимал: даже вызубри он целую антологию поэзии эпох Мин и Цин, с ходу сочинить стихотворение на заданную тему всё равно бы не смог. А он к тому же ничего такого и не заучивал. Потому он честно ответил:

— Не приходилось. Ваш покорный слуга учится всерьёз не так давно, поэтому наставник сначала учил меня слагать сочинения, а к стихам мы ещё не приступали.

Вундеркинд, не умеющий писать стихи, уже не казался таким уж чудо-ребёнком. Ван Вэнь разочарованно вздохнул и поначалу хотел просто отпустить его, но вспомнил, что славу вундеркинда юноша снискал благодаря парным изречениям. Поэтому он произнёс:

— Я читал твои «Парные изречения из Четверокнижия». Коль скоро ты назубок знаешь «Четверокнижие» и умело составляешь парные фразы из его строк, я предложу тебе первую строку, а ты подбери к ней пару.

Задумавшись ненадолго, он изрёк:

— Сияние — это взор, это молния.

Эта фраза восходила к третьей главе «Шуо гуа чжуань» из «И цзина», а полностью строчка звучала так: «Сияние — это взор. Сияние — это огонь, это солнце, это молния». Цуй Се проглядывал «И цзин», но не изучал его как основной канон, а просто запечатлел текст в памяти, словно на жёстком диске. Сейчас он и вспомнить не мог, откуда взялась цитата.

С «И цзином» он был не особо знаком, зато «Четверокнижие» знал назубок. Уловив ритм первой строки, он мгновенно вспомнил начальную фразу из главы «Цзы хань» канона «Лунь юй»: «Учитель редко говорил о выгоде, о судьбе и о человеколюбии». И тут же откликнулся:

— Выгода, судьба и человеколюбие.

Ван Вэнь издал короткий хмык, вскинул на него взгляд и сказал:

— Ты и впрямь до тонкостей знаешь «Четверокнижие». Но парные строки, составленные из его текста, слишком коротки. Если увлечься ими, можно стеснить полёт мысли. Проверю-ка я тебя длинным изречением.

Поскольку испытанию подвергался юный ученик, проходивший окружной экзамен, префект подобрал фразу с благоприятным смыслом:

— Муж, наделённый высочайшим талантом, да станет цзеюанем, хуэйюанем и чжуаньюанем, да одержит победу на трёх экзаменах подряд, войдёт в Ханьлинь и превзойдёт восемнадцать академиков!

Цуй Се без тени смущения отозвался:

— Ваш покорный слуга приложит все силы, чтобы оправдать надежды префекта.

Он сложил руки в приветственном жесте, обратясь на запад, и подобрал ответную строку:

— Навеки император Хунчжи да почитает первенство знатности, первенство возраста и

первенство добродетели; пусть три высших достоинства сольются в единое целое, провозглашая алый указ и просвещая миллиарды подданных.

Эта парная строка снова была почерпнута из Мэн-цзы, из второй главы раздела «Гунсунь Чоу»: «В Поднебесной есть три всеобщих достоинства: знатность, возраст и добродетель».

Префект Ван понимающе улыбнулся и махнул рукой:

— Ладно, твоей проверки по «Четверокнижию» вполне достаточно. Возвращайся и прилежно повторяй материал, готовясь к юаньши. На этот раз тебя точно зачислят.

Поблагодарив его, Цуй Се вышел за Врата Дракона, немного подождал и, когда набралось пятеро учеников, сдавших работы досрочно, вместе с ними направился к выходу. Кто бы мог подумать, что едва они окажутся у главных ворот Храма литературы, как их перехватит толпа стражников. Среди них возвышался воин в алом плаще и шестиклиной войлочной шляпе, который громко выкликнул:

— Есть ли здесь испытатель Цуй Се из уезда Цяньань? Если да, иди со мной — господин желает задать тебе пару вопросов!

Ученики с удивлением переглянулись. У Цуй Се ёкнуло сердце. Что могло случиться прямо посреди экзаменов? Неужели родители натворили дел, и теперь ему закрыт путь к кэцзюй?

В голове у него вихрем пронеслись тревожные мысли, по спине пробежал холодок. Шагнув вперёд, он отозвался:

— Ваш покорный слуга и есть Цуй Се. Могу ли я узнать, кто из господ меня разыскивает?

Выражение лица воина вовсе не выглядело суровым. Скорее в нём читалось глубокое уважение и смутное чувство восторга от долгожданной встречи. Со вздохом он произнёс:

— Так вот ты какой, Цуй Се. Иди за нами: наш цяньху и цензор Лю желают видеть тебя.

Остальные ученики мигом отшатнулись от него на добрый десяток шагов. Толпа у ворот тоже расступилась, образуя свободный проход. Цуй Се, точно ступая по красной дорожке, прошёл по пустой дороге к воину и тихо спросил:

— Не подскажете ли, куда мы направляемся? И из каких военных гарнизонов тот цяньху, о котором упомянул господин?

Воин на ходу вполголоса ответил:

— Разумеется, наш цяньху Се! Или ты знаешь каких-то других цяньху из военных гарнизонов? Цензор Лю ждёт тебя в управе, чтобы задать вопросы. На месте всё поймёшь, иди быстрее.

Значит, цяньху Се... Тогда он может быть спокоен... Пойдите, Цзиньивэй! Цензор приехал вместе с Цзиньивэем проводить расследование в провинции! Что же натворила семья Цуй, раз даже за ним, живущим в глуши юношей, явился лично цяньху Цзиньивэй?

В полном смятении его усадили в небольшой паланкин и доставили в управу. Окружная управа и уездное училище располагались на одной улице: училище на севере, управа на юге, и их разделяло едва ли пол-улицы. Не успел он опомниться, как паланкин опустили у ворот. Проводник из Цзиньивэя велел ему выйти и через боковую калитку провёл во внутренний зал.

На главных местах во главе зала сидели двое чиновников в чёрных шапках и парадных халатах. Один халат был сине-зелёным, другой — ярко-зелёным. На груди сидевшего слева выделялась вышивка с утицей-мандаринкой, полагающаяся чиновнику седьмого ранга — судя по всему, это и был цензор Лю. У сидевшего справа... вышивку можно было даже не рассматривать: по одному его лицу сразу угадывался пятиранговый цяньху Цзиньвэя. Чуть ниже расположился ещё один чиновник в одеянии такого же цвета, но с вышитым серебряным фазаном — вероятно, пятиранговый окружной заместитель.

Хотя Цуй Се знал, что цяньху Се прибыл для обыска и арестов, при виде его лица он почувствовал странную уверенность, и тревога, терзавшая его всю дорогу, улеглась. Ступив в центр зала, он ровно встал, сложил руки в приветствии и изрёк:

— Ученик из уезда Цяньань Цуй Се приветствует обоих господ.

Он и впрямь подрос, да и заметно похудел.

Когда Се Ин увидел его впервые, юноша, хоть и болел, выглядел полнее. К тому же из-за лихорадки его щёки пылали румянцем, отчего цвет лица казался здоровее. Теперь же он только что вырвался с тяжелейшего экзамена, усталый и измождённый. Его бледность — то ли от холода, то ли от усталости — отдавала синевой.

Однако его осанка стала ещё более стройной и статной. Одетый в многослойный халат цвета нефрита, он напоминал нефритовое дерево, выросшее посреди зала, отчего помещение словно озарилось светом. Лицо его похудело, подбородок заострился, но это не выглядело болезненной истощённостью — милая детская припухлость сменилась благородным мужеством.

Лишь глаза его почти не изменились: уголки слегка приподняты, при опущенном взоре в них сквозила мягкость и утончённость, а когда он вскидывал взгляд, в нём вспыхивал яркий, живой блеск.

Се Ин пришёл расспросить его по делу, а не приниматься за поклоны. Увидев, как юноша кланяется, он произнёс:

— Оставь условности. Господин Лю, Чжан Гуй и я — люди не чиновопочитательные, да и ты не преступник. Нечего стоять, присядь подле господина Чжана.

Господин Лю взглянул на него. Се Ин сделал вид, будто ничего не заметил, и, держа пиалу с чаем, распорядился:

— Подайте молодому господину Цуй чай. Раз в высочайшем повелении не сказано его арестовывать, значит, следует оказать ему приём, подобающий сыну чиновника и участнику окружного экзамена.

Неужели получено высочайшее повеление? Однако раз пришли не за ним, значит, он выступает свидетелем? Неужто Учение Белого Лотоса снова что-то затеяло?..

С его скромным жизненным опытом и фантазией Цуй Се не мог вообразить ничего иного. Впрочем, какова бы ни была причина, главное — его не собирались арестовывать. Пользуясь случаем, он шагнул к месту подле Чжан Гуя, но садиться не стал, а лишь почтительно сложил руки:

— Не знаю, о чём господа желают спросить, но Цуй Се ответит без утайки на всё, что ему

известно.

Лю Цзань тоже находил его лицо весьма приятным, но опасался, что добродетель и талант юноши не соответствуют столь красивой наружности. Ему до безумия хотелось прямо сейчас подвергнуть его испытанию, чтобы убедиться: действительно ли все три экзаменационные работы написаны им самим, или же он заранее догадался о темах и нанял подставное лицо.

Впрочем, будучи цензором, прибывшим с поручением вести дело, он вынужден был подавить это желание до завершения расследования. Не дожидаясь, пока юноша сядет и отпьёт чаю, он спросил прямо:

— Библиотека на улице за управой уезда Цяньань прежде была вашей семейной собственностью? Это ты пожертвовал её уезду Цяньань?

Не Учение Белого Лотоса? Библиотека?

Цуй Се опешил. Заметив это, цензор Лю снова усомнился, знает ли тот вообще о пожертвовании библиотеки. Подавшись вперёд, он мягко произнёс:

— Говори только правду. Мы с цянху Се прибыли по высочайшему повелению, так что какому бы притеснению ты ни подвергся, мы восстановим справедливость.

Се Ин улыбнулся и поддержал:

— Господин Лю прав. Если тебя кто-то обидел — выкладывай без утайки. Император Хунчжи мудр и видит всё на тысячи ли вокруг. Мы, находясь под глубочайшей милостью Его Величества, не позволим никаким тёмным козням навредить честному человеку!

Придя в себя, Цуй Се сделал шаг вперёд и с твёрдостью во взгляде обратился к обоим циньчаям:

— Усадьбу под библиотеку я передал нашему уезду по собственной воле и ни в чём не терплю обиды. Неужели господа пришли расспросить меня из-за того, что мне не следовало передавать это владение?

Разумеется, дело было вовсе не в этом.

Передача имущества казне являлась благородным поступком, а устройство бесплатной библиотеки в уезде Цяньань — добродетельным управлением, и никто не осмелился бы называть это ошибкой. Ни цензор в своём доносе, ни циньчай в расследовании вовсе не ставили под сомнение сам факт пожертвования. Их интересовало иное: каким образом этот юноша, который ещё в прошлом году не достиг совершеннолетия, додумался отдать целый дом под библиотеку?..

<http://bllate.org/book/18372/1761323>